

НА ВСТРЕЧЕ ВЫПУСКНИКОВ 1964 ГОДА ОДИН ИЗ БЫВШИХ СТУДЕНТОВ-ИНФИЗКУЛЬТОВЦЕВ КАК БУДТО ОШИБСЯ ДВЕРЬЮ. ОН, СЛОВНО ХОРОШО ТРЕНИРОВАННЫЙ ЮНЕЦ, ШУСТРО ВЛЕТЕЛ В АУДИТОРИЮ И ПО ПРОСЬБЕ ОКРУЖАЮЩИХ ЖИВО ОТПОРПОВАЛ О СВОИХ СПОРТИВНЫХ ЗАСЛУГАХ И ВЕСЕЛЫХ ПОХОЖДЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА, ПРИЧЕМ ТАК КРАСОЧНО, КАК БУДТО СОБЫТИЯ ПРОИСХОДИЛИ ВЧЕРА. А В КОНЦЕ «ДОКЛАДА» ВСКОЛЬЗЬ ЗАИКНУЛСЯ О СВОЕМ ПОЧТЕННОМ ВОЗРАСТЕ. «О-О-О, ТАК ТЫ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ДЕД. ТЕБЕ 84, А НАМ ТОЛЬКО ПО 80, — ИРОНИЧНО ЗАМЕТИЛ ОДИН ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ. — И КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ. КАК БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ, ТАК И ОСТАЛСЯ». ГОВОРЯТ, ВСЯКИЙ ЧЕЛОВЕК САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СУДЬБЫ. СЕГОДНЯ **ГЕОРГИЙ ФИЛИППОВИЧ РАСАЦКИЙ** НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НИ О ЧЕМ НЕ СОЖАЛЕЕТ. А ВЕДЬ ПРИ УДАЧНО СЛОЖИВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОН МОГ БЫ СТАТЬ МЕДАЛИСТОМ ОЛИМПИАДЫ ЕЩЕ В ДАЛЕКОМ 1960 ГОДУ В РИМЕ. ПОЗЖЕ В БССР И БЕЛАРУСИ ПОЯВИЛИСЬ ТАЛАНТЛИВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ — ЧЕМПИОНЫ И ПРИЗЕРЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР И ЧЕМПИОНАТОВ МИРА ПО ВЕЛОСПОРТУ. НО ПЕРВОГО ГРОМКОГО УСПЕХА ДОБИЛСЯ ИМЕННО ОН, ГЕОРГИЙ РАСАЦКИЙ, КОТОРЫЙ СТАЛ ЧЕМПИОНОМ СССР В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ШОССЕЙНОЙ ГОНКЕ В 1961 ГОДУ. ТОГДА ПОЗАДИ ОСТАЛИСЬ ДРУЗЬЯ ПО СБОРНОЙ СССР — ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ГОНКЕ ВИКТОР КАПИТОНОВ, А ТАКЖЕ СОСТАВЛЯВШИЕ ЕМУ КОМПАНИЮ БРОНЗОВЫЕ ПРИЗЕРЫ В КОМАНДНОЙ ГОНКЕ ЕВГЕНИЙ КЛЕВЦОВ, ЮРИЙ МЕЛИХОВ И ВЕЧНЫЙ СОПЕРНИК АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ.

ХОТЕЛ БЫТЬ ЛЕТЧИКОМ, А СТАЛ ЛУЧШИМ В СССР ВЕЛОГОНЩИКОМ

**В ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА НАМАТЫВАЛ
ПО 16 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ЗА ГОД.
ПРИ ЖЕЛАНИИ ЗА ПАРУ ЛЕТ
МОГ БЫ ОБОГНУТЬ И ВЕСЬ ЗЕМНОЙ ШАР**

ВТОРОГОДНИК

Я не слишком частым гостем был в институте, поэтому мало общался с однокурсниками, — **честно признался** **Георгий Филиппович**. — Во-первых, поступил уже после строительного техникума и армии, а потом на третьем курсе остался на второй год из-за практики в школе и заканчивал обучение не с теми, с кем в 1959 году начинал. Ветеран войны В.Г. Кузовлев преподавал у нас предмет «Теория физического воспитания» и вел педпрактику в школе, которую нужно было проходить в течение полутора месяцев. Но у меня были сложности: постоянно мотался по сборам. Однажды выкроил пару недель, оперативно отработал и отчитался. Считал, что повезло: навстречу мне пошел учитель физкультуры Гундорин, который работал в школе № 49. Он оказался фанатом велоспорта, был внештатным корреспондентом, собирал с гонок массу фотографий. Но преподаватель БГОИФК был неумолим и категорично отрезал: «Нет!» Вышел приказ по институту — меня сделали второкурсником, так как отчислить ведущего спортсмена не могли. Я не стал сопротивляться, потому что почувствовал, что мне это не надо. В тот момент у меня голова была забита другими проблемами. Я упорно готовился к Спартакиаде народов СССР, где занял второе место вслед за ленинградским приятелем Алексеем Петровым.

ТОПОЛЬ, 21 сентяб-
С). Уже первая гонка
рамме чемпионата
велосипедному спор-
те — мужская, с раз-
стартом на 50 км при-
сацию. Хотя в ней
ли известные мастера,
итель велогонки мира
оз, его товарищи по
команде, выигра-
онку. — А. Черепович,
сужин, А. Петров,
стала не им.
еал представитель
«Красное Знамя» из
оргий Расацкий, за-
рвое место со време-
1.

проходила в горном
дороге между Сева-
и Симферополем.
ла нелегкой. К тому
ильный ветер, особен-
язанный подъем. Спе-
считали, что победа
популярному ар-
спортсмену А. Петро-
эти прогнозы не оп-
Несмотря на все
етров показал лишь
зультат. А первого

**Георгий Расацкий —
чемпион СССР**

русского института физкульту-
ры. Чемпионом страны он стал
первым.

На втором месте Е. Кле-
цов — 1:13.49, на третьем —
А. Петров — 1:13.59.

Сегодня же состоялась инди-
видуальная гонка на 25 км —
для молодежной группы. Ее
выиграл слесарь из города
Горького Ю. Гуняшов («Труд»)
— 37.32.0.

НЕ СЛОЖИЛОСЬ

Изначально я занимался борьбой, причем в одной группе с хорошо известным Александром Медведем. Дошел до второго разряда, но когда меня положили на лопатки и нужно было подняться, сил в ногах не хватило. Мой первый тренер Павел Васильевич Григорьев посоветовал ноги подкачать с помощью велосипеда. Я как пошел в велоспорт, так, можно сказать, в нем и остался. Правда, с перерывом. У меня были простые родители: отец шофер, мать уборщица, которым надо было поднимать четверых детей. Мне следовало получить надежную рабочую специальность. В 1953 году я поступил в строительный техникум по профилю «санитарно-техническое устройство зданий». Надо сказать, что эта профессия мне очень пригодилась, стал на все руки мастером по части водопровода, канализации, газификации. Практически сам построил коттедж в деревне. Но это случилось гораздо позже. А тогда я еще параллельно посещал аэроклуб. На теории засыпал, зато практика на самолетах Як-18 меня вдохновляла. С этим удостоверением я пошел в Харьковское авиационное училище. Меня манила скорость, которая, впрочем, и погубила: как дам по газам порой, так остановиться не могу. Наверное, по этой причине я и прикипел к велоспорту, ничего бы у меня не получилось ни в борьбе, ни в лыжах, ни в фехтовании. Да я и сейчас шустрим остался. В свое время нагонялся вдоволь. А сколько своих автомобилей переколотил... В авиационном училище мы летали на учебно-тренировочном истребителе Як-11, но я был в восторге от выездных полетов на реактивном МиГ-15. Мой инструктор часто говорил: «Расацкий, будь тебе генералом!» Я действительно летал, как зверь. Разгонял самолет верхушкой вверх, а потом падал на хвост. Вовремя брал ручки на себя, а потом толкал. Адреналин такой, что не передать словами. Но если бы вошел в «штопор», то, считай, все. Я же ничего не боялся. Думал: рано или поздно умирать-то надо. А сколько из-за своих храбрых выходов я на «губе» посидел... Просто улетаю из зоны видимости и вытворяю там фигуры высшего пилотажа: петлю, повороты, перевороты, «свечки» и прочие. А тем временем даже не догадывался, что за мной в бинокль на КПП наблюдают. Фигуры высшего пилотажа, разумеется, были очень опасны. Однажды на наших

глазах разбились французы, которые приехали к нам на обучение. Они решили сделать точно такой финт, который когда-то исполнял знаменитый Чкалов. Две машины шли навстречу друг другу, максимально сближались в ожидании, кто первым уйдет выше, чтобы была возможность обстреливать противника. В результате столкнулись лбами. Самое сложное было посадить четко самолет в нужное место на стоянке. Ориентироваться было очень сложно, особенно на незнакомом аэродроме и ночью, где нет освещения посадочной полосы. Иногда, конечно, блудили: то ли не долетишь, то ли перелетишь и в овраг угодишь. Тогда это скрывалось, но летчики часто разбивались.

У меня все складывалось удачно, пока я не стал виновником аварии. При посадке правым крылом на месте центроплана зацепил что-то высокое. На этом мои полеты закончились. Вызвали из Минска мать. Она приехала, подняла шум: «Разобьешься, разобьешься... У тебя есть хорошая профессия строителя. Работу найдешь». И я ушел, проучившись в Харькове полтора года. Приехал сюда в 1956 году с отличной военной закалкой. Ведь там был подъем в 7 утра, полтора-два километра в любой мороз пробежка раздетым до пояса. Потом завтрак. Такая физподготовка дала мне возможность продолжить занятия спортом и быстро прогрессировать.

**МЕНЯ МАНИЛА СКОРОСТЬ,
КОТОРАЯ, ВПРОЧЕМ, И ПОГУБИЛА:
КАК ДАМ ПО ГАЗАМ ПОРОЙ,
ТАК ОСТАНОВИТЬСЯ НЕ МОГУ.
НАВЕРНОЕ, ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ
Я И ПРИКИПЕЛ К ВЕЛОСПОРТУ,
НИЧЕГО БЫ У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ
НИ В БОРЬБЕ, НИ В ЛЫЖАХ,
НИ В ФЕХТОВАНИИ**

ПРИЗВАНИЕ

Я снова пришел в ДСО «Строитель», где и начинал. Тренер был не против моих занятий.

На первых же соревнованиях выполнил первый разряд на гонке 150 км «Минск — Борисов — Минск». А потом в 1957 году уже выполнил мастера спорта. Тогда еще деньги платили за звание. Правда, один год только успел эту зарплату получать. Вскоре на всесоюзной многодневной велогонке Москва — Минск — Киев — Москва я занял 7-е место и попал в сборную Советского Союза, где стал тренироваться вместе с Гайнаном Сайдхужином, который потом стал шестикратным победителем Велогонок Мира в личном и командном зачете, Алексеем Петровым и Юрием Мелиховым — все мы были 1936—1937 годов рождения.

И с весом проблем не возникало, обычно он был стабильным: 68—69 кг. Это сейчас от спокойной жизни во мне 73 кг.

Я был гонщиком-темповиком. Предпочитал уходить в отрыв на пересеченной местности. Единственное, чего я не любил, так это бросаться на финиш. Там нужна сила, которой у меня не было. Зато я обладал завидной выносливостью.

В лучшие времена наматывал по 16 тысяч километров за год. При желании за пару лет мог бы обогнуть и весь земной шар. Но это шутка, конечно... Для справки скажу: чтобы добиться успеха в велоспорте, надо по 4—5 часов не слезать с седла.

На высоком уровне я гонялся 8 лет. Разумеется, и в завалы, как и многие другие, я тоже попадал, четыре раза ключицу ломал. Наиболее обидное падение случилось перед самыми Олимпийскими играми в Риме в 1960 году. Интересно, что накануне у нас в команде проводилось тайное голосование между спортсменами по формированию сборной в командной гонке на Играх. Постоянно на сборах находилось по 15—16 человек. Всем членам сборной СССР предлагалось написать, олимпийский выездной состав, в который входило с запасными 6 человек. И абсолютно во всех списках значилась моя фамилия. К Играм мы полтора месяца готовились в Новом Афоне, там рельеф, схожий с тем, что в окрестностях Рима. Все, казалось бы, складывалось удачно. Велосипедисты меня оценили, да и тренер тоже. Кстати, Леонид Шелешнев в прошлом сам был хорошим гонщиком, и тренер из него получился прекрасный.

Но прямо накануне Игр у нас проводилась гонка в Сочи. И надо же такому случиться: я упал практически на самом финише и сломал ключицу.

Олимпиада для меня не состоялась. Меня отправили домой, и я пошел в институт.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ГОНКА

Мы конкурировали между собой 4 года. В 1961 году я проехал 50 км в Севастополе за 1 час и 11 секунд и стал чемпионом Советского Союза в этой звездной компании чемпионов мира и призеров Олимпийских игр. К тому времени все друзья уже стали заслуженными мастерами спорта.

На чемпионате СССР давали большую медаль за групповую гонку и малую за индивидуальную. У меня были наряды только в индивидуальных гонках на 50 км. А в групповых не получалось. Там собиралась компания из 100 человек, и все сражались до кровавых ран, кто кого вытолкнет, а после финиша обнимались и поздравляли друг друга.

Для меня дистанция 50 км была основной, потому что я умел грамотно распределить силы. Мудро лез в подъем без резкой потери скорости.

ЖИЛИ, КАК МОГЛИ

Тогда прямого телетрансляции Олимпиады не было, да и телевизоров у людей тоже. Но у меня был маленький такой «Беларусь». Его только начали выпускать у нас в республике. Я был одним из первых счастливицков, кому его вручили в качестве приза за многодневную гонку то ли в 1957-м, то ли в 1958 году. Он у меня до сих пор сохранился. Сейчас стоит как антиквариат, а тогда ко мне вся улица приходила передачи смотреть.

О нашем районе долгие годы легенды ходили. Как собиралась компания молодых людей с Грушевки и Харьковской, так кровавые драки начинались. Молотились так: улица на улицу с чем попало в руках. Среди драчунов были настоящие бандиты, такие как Василенчик или Савчук. Они из тюрьмы на улице Опанского (сейчас Кальварийская) только успевали выходить, как сразу опять туда попадали. Мы жили в бараке на улице Харьковской. Позже благодаря спорту я сам квартиру получил, и мать отдельную.

По молодости и я был задиристый. Если что-то не так, мог морду набить, и меня били. В 1956 году на танцах меня побили сильно. Я пришел в клуб весь из себя такой спортсмен с другом. А бандиты собрались кучкой и отколотили нас двоих так, что я потом неделю пластырем лежал. Позже я стал понимать, что «перевоспитался»: стал жить, как трус. Стремился к тому, чтобы меня не могли в чем-то уличить. Боялся влезть в неприятности. Если чувствовал что-то неладное, уходил в сторону. Избегал конфликтных ситуаций и рекомендовал так делать всем студентам.

Это после войны окружающая обстановка толкала на подвиги. Голодуха была жуткая, отсюда и бандитизм. Подумать только: в район современной Каменной Горки мы с матерью приходили когда-то картошку собирать. Уже после официальной уборки урожая ее в земле оставалось еще много. И можно было этим воспользоваться с помощью лопаты, но делать это только втихаря, потому что рядом были захоронения безымянных заключенных из близлежащей тюрьмы на Опанского.

ВОЕННАЯ ТЕМА

О прошедшей войне напоминала бронированная немецкая техника, которая почему-то до 1953 года стояла в Минске в отдельных районах. Постепенно ее убирали. Видали мы и военнопленных немцев. До 50-х годов они жили в казармах тихо и скромно. Притом делали замечательные деревянные сандалеты и игрушки, которые мы меняли у них на сахар и другие продукты. Руки у них, конечно, были золотые...

Саму же войну я запомнил отдельными эпизодами. Мы жили возле вокзала. Отец на второй день войны ушел на фронт. Дом наш разбомбили. И мы с матерью помчались в деревню к родственникам отца. Попали в партизанскую зону в Витебской области, где проживала ба-

бушка и ее дочери — сестры отца. Когда немцы начинали бомбить, мать нас, четверых детей, прятала под печку. Иногда меня сажали на лошадь, и я гнал в лес, в партизанский отряд Решетникова. Но об этом я узнал намного позже. А тогда помню, как приезжал в лес, меня встречали, а затем сажали снова на лошадь и отправляли обратно. Сам не знаю, почему я не стал ветераном войны. В деревню партизаны приходили ночью. Люди разные были: одни грабили, другие нет, но голодными были все. Потом хату немцы разбомбили, и мы целый месяц жили в землянке неподалеку от деревни Яново. Удивительные вещи, сейчас хочу что-то запомнить, но не могу. А эти события, произошедшие почти 80 лет назад, в памяти почему-то на всю жизнь остались.

МОГ БЫ И ЛУЧШЕ

Я закончил выступать в 28 лет. В 1965 году без труда преодолел перевалы Закарпатья. Почувствовал, что с годами стал осторожнее и умнее, и больше подвергать себя таким изнурительным нагрузкам не стоит. Можно было бы, конечно, поупираться еще, но я не захотел. Это с высоты прожитых лет понимаю, что мне по силам было демонстрировать прекрасные результаты и впредь. Но я даже не представляю, как сейчас профессиональные велосипедисты выдерживают такие соревновательные режимы и скорости. Сегодня их знают все, но пройдет несколько лет, и героев забудут. А их здоровье-то будет непоправимо подорвано. Организм профессионального спортсмена изнашивается предельно, потому что из него выжимают все соки. От перегрузок меня в свое время спасало в том числе и то, что я трижды получал дисквалификацию. Потом, разумеется, меня опять приглашали выступать, потому что было некому. В первый раз в Минске я публично обозвал тренера. Но там не звучала нецензурная брань. Во второй — отказался ехать многодневную гонку, когда не было абсолютно никакого

**ПОРОЙ Я ПО
ТЕЛЕВИЗОРУ
СМОТРЮ ГОНКИ
«ТУР ДЕ ФРАНС»,
«ДЖИРО Д'ИТАЛИЯ»
И «ВУЭЛЬТУ»,
И МНЕ КАЖЕТСЯ,
НЕДУРНО БЫ
И Я ТАМ В СВОЕ
ВРЕМЯ СМОТРЕЛСЯ,
ВО ВСЯКОМ
СЛУЧАЕ,
ДАЛЕКО БЫ
НЕ ОТСТАЛ**

желания и, главное, в тот момент — здоровья, я с отравлением попал в больницу. Но если бы со мной разговаривал начальник, который проживал этажом выше, нормальным тоном, то, возможно, я и заставил бы себя соревноваться усилием воли, так как умел быстро набирать форму. Но как только я чувствовал, что меня пытаются заставить в приказном порядке, чтобы любыми путями отчитаться по медалям, то сопротивлялся. Я по гороскопу Лев. Люблю, когда меня гладят, но против шерсти нельзя. Как только со мной начинали говорить с позиций власти, я отворачивался и понимал, что ничего хорошего не будет. И в третий раз я снова сорвался, когда вступил в спор. А в велоспорте у нас была настоящая массовость. Только в соревнованиях на приз газеты «Советская Белоруссия» стартовало 720 гонщиков.

Чем стимулировали лучших? Грамотами да кубками. У меня их скопилось великое множество. За победу на чемпионате СССР полагалось 1500 рублей. По тем временам автомобиль «Москвич» стоил 1400. Я этим шансом воспользовался. 8 лет я получал стипендию 120 рублей. У меня постоянно было бесплатное питание, плюс экипировка и премиальные за призовые места, так что денег хватало. Но мы не считались профессионалами, всем иностранцам должны были говорить, что работаем или учимся, потому что любители.

У нас, к примеру, сейчас есть чемпион мира Василий Кириенко. Он настоящий профессионал. И по нашим меркам ему платят огромные деньги, но после всех выплат остается не так уж и много. Сейчас, конечно, у спортсменов другой инвентарь и более калорийное питание, но порой я по телевизору смотрю гонки «Тур де Франс», «Джиро д'Италия» и «Вуэльту», и мне кажется, недурно бы и я там в свое время смотрелся, во всяком случае, далеко бы не отстал.

Интересно, что в конце 1961 года газета «Физкультурник Беларуси» традиционно проводила опрос журналистов на лучшего спортсмена года. Я оказался 9-м в десятке лучших. Впереди — борец Олег Караваев, бегунья Мария Иткина, гимнастка Елена Волчецкая, гребцы Сергей Макаренко и Леонид Гейштор, фехтовальщики Арнольд Чернушевич и Диана Ясюкевич, парашютистка Вера Зубова. Все эти люди действительно были величинами.

НЕТРЕНЕР

После окончания института меня позвали работать тренером в «Локомотив», и я пошел. Но там не прижился. Не каждый ведущий спортсмен может стать хорошим тренером. Меня жутко злило, что на тренировках люди показывают высокие результаты, а как выйдут на соревнования — нет. От них убегают, а они догнать не могут. В то время я еще сам был участником гонок и прямо на дистанции от злости бил по спине своих нерадивых подопечных. Потом подумал: ну что я буду мучиться да их мучить. Через год ушел. Решил забыть. Не нравится мне такой труд.

А вот работой со студентами я очень доволен остался. Сначала преподавал в физкультурном институте, стал первым белорусским кандидатом наук по велоспорту, потом работал доцентом в институте народного хозяйства. В 75 лет я ушел на пенсию с должности заведующего кафедрой Минского института управления.

Сейчас встречаюсь иногда со своими бывшими студентами, некоторым уже по 60 лет, так они до сих пор благодарны за то, что я их гонял и заставлял двигаться. Но самое интересное, что спустя много лет они признались, что им очень даже нравилось ездить со мной на сельскохозяйственные работы. Тогда осенью была такая практика, от которой пытались «откреститься» многие, как преподаватели, так и студенты. А я никогда ни на что не жаловался и не прикрывался занятостью или слабым здоровьем. На самом деле меня никогда не беспокоили ни сердце, ни легкие. Потому что от всех болезней меня всегда спасал велосипед.

Сейчас я живу в деревне один и доволен всем. Жизнь прошла хорошо. Все у меня есть: сам построил коттедж, сам копаюсь в земле, сам убираю урожай со своих 20 соток и отдаю друзьям. Иногда в гости приезжают сыновья, внуки и правнуки. Ни один из них велоспортом так и не увлекся. А зачем? Это тяжелый вид спорта. Правда, хотя я советовал детям и внукам в обязательном порядке получить экономическое образование, младший сын Олег все-таки стал тренером, но только по футболу.

Я же по-прежнему не расстаюсь с «железным конем». Регулярно совершаю велопробежки, по 40 км в неделю, в основном в ближайший магазин за продуктами.

Но иногда как нахлынут воспоминания, такая тоска берет, и думаю: «А ведь я сам был дураком. Мог бы быть далеко впереди всех друзей-соперников, но не старался этого делать. Захотел сойти с гонки — сошел». Я берег здоровье. А может быть, и правильно? Сейчас наших ребят по сборной уже почти не осталось. Как залезу в интернет, так и расстраиваюсь. А куда деваться? Я, слава Богу, пожил.

